

ФОРТУНА ЭЛЛА ХЕЙСА

Мистер Колвер неподвижно сидел в кресле у крытого окна спальни. Со второго этажа фешенебельной виллы, горделиво поднявшейся на опушке апельсиновой рощицы на берегу Калифорнийского залива, он хорошо видел всё, что происходило в мареве заката.

Вечер наплывал тёплый и тихий. Медленно гасли аквамариновые краски засыпавшей лагуны; на белом песке один за другим таяли солнечные блики; с пляжа, в обнимку, тянулись к дороге последние парочки; одна из них остановилась, слилась в долгом поцелуе...

«Счастливики», — с горечью за свою немощность прошептал Колвер. Он вздохнул, плотнее закутался в мягкий халат и откинулся на спинку кресла. Глубоко задумался.

Его кредитная фирма не была таким гигантом, как, например, широко известные «Галф ойл корпорейшн», «Юнайтед брендз компани», или «Нортроп корпорейшн», однако, он тоже ворочал немалыми миллионами, блестяще проводя свои операции на всём американском континенте.

Долларов ему хватало, доставало лишь радости жизни. Болезни и старость напоминали о смерти. Он всё чаще проявлял беспокойство и ни в чём не находил утешения. Десятки именитых врачей перебивали на его вилле, истрачены бешеные деньги в поисках лекарств для продления жизни, но всё безуспешно. Целыми днями сидел он теперь у окна спальни, и никто не решался беспокоить его. Он думал о своих миллионах, во имя которых так безоглядно израсходовал отведенное судьбой время, что не успел обзавестись семьёй, и, значит, всё его богатство даже некому завещать...

Теперь он отдал бы всё своё состояние за возможность вот так же молодо и безмятежно, как эта парочка, пройтись по тенистым улочкам и знать, что он кому-то дорог и нужен.

Неожиданно за его спиной послышался шорох. Он обернулся. Тяжёлая портьера на двери заколебалась, складки её раздвинулись, и показалась съёжившаяся фигурка секретаря.

Колвер недовольно сдвинул жидкие выцветшие брови.

Секретарь несмело приблизился.

— Он пришёл, сэр.

— Пусть войдёт, — оживился Колвер.

Секретарь ужом выскользнул за портьеру. И на пороге сразу показался высокий, плотный блондин с быстрым, цепким взглядом.

— Мистер Элл Хейс? — нетерпеливо спросил Колвер.

— Так точно, сэр, — по-военному чётко отозвался вошедший и ещё больше вытянулся.

— Садитесь, — Колвер чуть заметным жестом указал на кресло у столика. Хейс, ступая на носок, медленно прошёлся по белому пушистому ковру, осторожно опустился в такое же мягкое, белое кресло.

— Мне рекомендовали вас как надёжного человека, знающего язык индейцев, — слабым голосом продолжал Колвер.

Длинные ноги здорово мешали Хейсу, но Элл не решался вытянуть их, наоборот, ещё больше поджал и выжидательно замер.

— Может, стаканчик виски?

Хейс отказался. В деловых разговорах он предпочитал иметь ясную голову. Колвер одобрительно пожевал тонкие бескровные губы.

— Говорят, вы служили в армии? Где именно?

— Вьетнам, Боливия, Парагвай, Гвинея-Бисау.

— Значит, джунгли вам хорошо знакомы?

— Ещё бы! Туземцы жалили нас там из-под каждого куста.

— Однако вы уцелели.

— Повезло, сэр. Я ведь удачливый!

Колвер с едва заметной усмешкой пробежал глазами по его подержанному дешёвенькому костюму:

— Но сейчас вы, как будто, на мели.

— Временно, сэр! Временно! — вспыхнул Хейс, перехватив взгляд миллионера. — Я слышал, нашим в ЮАР прилично платят. Вот и думаю, а не махнуть ли мне туда на охоту за чёрными?.. Или у вас есть другое предложение? Только учтите, что такая охота — моя единственная профессия. — Это я и принимаю во внимание... Хотите миллион?

Хейс помрачнел, слегка ослабил затёкшие от напряжения ноги.

— Не надо так шутить, сэр.

— А я без шуток. Предлагаю миллион долларов.

Хейс моментально снова подобрался. Вот она, фортуна! Опять улыбается ему. Нечаянно не выпустить бы из рук!...

— Слушаю, сэр.

Колвер хрипло откашлялся и, растягивая от одышки слова, медленно и тихо продолжил:

— Ну, что же... Тогда достаньте-ка из секретера чёрную кожаную папку... Откройте её... Видите карту? Да-да, этот полуистлевший, грязный лист бумаги - карта Бразилии. Пусть вас не смущает её вид. Главное — содержание.

Он на короткое время умолк, перевёл дыхание и, впившись острым взглядом в напряженное лицо Хейса, тоном приказа закончил:

— Мне крайне необходимо, чтобы вы не позднее, чем завтра вылетели в Манаус. Там на аэродроме для вас подготовлен мой личный вертолёт. На нем вы должны добраться до селения племени мачири, обозначенного на этой карте красным кружком. В джунглях вы отыщете пару-тройку императорских удавов и доставите мне их головы... Всё!

Колвер отёр со лба испарину. Такую продолжительную речь он давно не произносил.

Хейс, ошеломлённый столь неожиданным поручением, молчал.

— Вас что-нибудь не устраивает? — скрипучим голосом спросил Колвер.

— Нет-нет, — поспешно ответил Хейс. — Лишь несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— С королевскими кобрами и анакондой я встречался, а вот об императорских удавах не слышал. Какие они? Что о них известно?

— Почти ничего... Местные индейцы называют их просто Боа. Взгляните на рисунок, приложенный к карте. Видите изображение удавов? Разве не похожи на миниатюрные короны кольцеобразные ороговевшие наросты на их голове? Собственно, вот эти колечки мне и нужны.

— В чём же их ценность?

— Мачири якобы готовят из них омолаживающее снадобье. Как вы понимаете, в нём теперь мой последний шанс.

— Почему же, — смущённо пробормотал Хейс. — А женьшень, гормональные средства?

— Увы, всё это пройденный этап.

— Насколько достоверны координаты селения?

— Человек, указавший их, побывал там лично. Он искал сокровища инков, а случай свёл с мачири... Вы что-нибудь слышали о Бенте Чейзе?

— О, знаменитый кладоискатель и авиационный механик! Так это был он? Почему вы не предложили ему это дельце?

— Он давно спился.

— А мачири... Что они из себя представляют?

— Совершенно неизвестное дикое племя.

— И, видимо, встреча с ними — большой риск?

— Но и я миллионами зря не швыряюсь... Впрочем, Чейз сумел уцелеть. Хейс взглянул на карту. Судя по координатам селения, мачири обитали в весьма труднодоступном районе Амазонской сельвы.

— Я должен отправиться к индейцам один?

— Нет. Вас будут сопровождать трое парней из моей охраны. И помните — я жду вас не позднее, чем через две недели. В противном случае наш контракт, который вы сейчас подпишете у секретаря, будет аннулирован: я не могу долго ждать.

— Но индейцы могут мне помешать.

— А разве вы не были солдатом и не умеете стрелять?

«Чёрт побери! — выругался про себя Хейс. - Старик прав — игра стоит свеч!»

— Можно получить задаток?

Колвер молча протянул ему приготовленный чек. Хейс внимательно прочитал обозначенную на нём сумму, довольно улыбнулся, спрятал чек в потрёпанный бумажник и, простившись с хозяином виллы, направился к двери. Колвер проводил его взглядом, полным надежды.

* * *

Вертолёт плавно опустился на залитую солнцем поляну. Хейс первым спрыгнул в густую траву, осмотрелся. Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, монументальным изваянием возвышался знакомый по фотоснимкам Чейза ритуальный столб из чёрного дерева в виде приподнятой змеиной головы. Поодаль от столба теснился с десятков бамбуковых хижин, накрытых пальмовыми листьями. А вся поляна отгорожена от внешнего мира сплошной зелёной стеной из высоченных деревьев и зарослей кустарника.

В селении было пустынно и тихо. Однако Хейсу тишина эта казалась обманчивой. Придерживая на поясе тяжёлую кобуру с кольцом, Элл, опасливо озираясь, обошёл хижины и лишь в самой последней — жилище жреца — обнаружил полугололого старика-индейца, в котором, казалось, чуть теплилась жизнь. Старик неподвижно сидел на шкуре ягуара у полузатухшего очага, и его глубоко запавшие глаза равнодушно смотрели на незваного пришельца.

Спутники Эллы с автоматами наизготовку остались снаружи у входа, а Хейс с притворной улыбкой приблизился к старику, уже знакомому по фотографии Чейза.

— Здравствуй, мудрейший Викима! Я счастлив видеть тебя живым и здоровым! — льстиво заговорил он, с трудом подбирая фразы.

Ничто не выдало удивления хозяина хижины. Он тяжело поднялся.

— Ты пришёл? — спокойно произнёс он традиционное приветствие индейцев. — Пусть этот день принесёт радость твоей душе.

— И твоему народу тоже! — всё так же притворно улыбаясь, продолжал Хейс. — Но куда все скрылись?

— Мачири испугались «железной стрекозы», и потому попрятались в чаще, — помедлив, глухо ответил жрец.

— Однако ты не испугался.

— Викима никогда и никого не боялся, — с достоинством пояснил старик.

— Хейс достал из кармана френча фотокарточку Чейза, протянул её жрецу.

— Узнаёшь? Когда-то он был твоим гостем.

Викима хмуро повертел фотокарточку, брезгливо поцокал и возвратил её.

— Возьми свой рисунок — это плохой человек.

— Почему? — удивился Хейс.

— Он пил огненную воду и...

Старик с отвращением поморщился.

Лицо Хейса вытянулось. Он захватил из Манауса бочонок виски, рассчитывая приобрести расположение индейцев, а теперь нечего было и думать о подобном.

— Чем ещё он тебе не понравился? — осторожно поинтересовался Элл.

— Викима нашёл его в джунглях, больного и беспомощного, — опустив тяжёлые веки, тихо вспоминал старец. — С переломанными ногами и разбитой головой, он лежал в такой же огромной «стрекозе», упавшей на моих глазах прямо с неба, когда я собирал коренья. С ним было ещё несколько белых, но они уже остыли и не дышали. Сначала Викима подумал, что это боги спустились к нему. Но боги бессмертны... И тогда Викима перенёс его на себе в свою хижину, хотя помнил предупреждения предков о коварстве и жестокости бледнолицых, загнавших мачири в джунгли.

Хейс хотел возразить, но не рискнул.

— А что случилось потом?

— Викима вылечил его... Мачири уже давно не имеют связи с миром. С каждой новой луной они теряют прежние навыки, всё больше слабеют и дичают. Викима надеялся, что этот человек, сын могущественного племени белых, умеющих летать, как боги, породнится с нами и вольёт в наши жилы свежую кровь, передаст нам хотя бы частицу своих знаний.

Старик вздохнул.

— Но Викима поплатился за то, что не внял голосу предков. Этот человек с восхода солнца и до вечерней зари пил свою огненную воду, от чего у него мутился разум, он страшно ругался и требовал от нас жёлтые камушки, которые называл золотом.

А потом Большая Стрекоза унесла его. Но перед этим он убил из Железного Пальца многих наших братьев.

Жрец подбросил в очаг сухих веток, опустился на шкуру.

— Викима не спрашивает, что привело тебя к нам. Но если у бледнолицего есть мать, то лучше уходи, чтобы она не оплакивала потом своего погибшего сына.

Хейс растерянно молчал, не зная, что ответить. Неожиданно он увидел в углу освещённую блеском пламени деревянную фигурку удава. Это прибавило ему решимости. Он подсел к жрецу.

— Скажи, как ты вылечил того человека?

Викима долго молчал, задумчиво глядя на огонь очага. Наконец, он поднял голову.

— А зачем тебе знать? Разве ты тоже болен?

- Нет. Но у меня на родине умирает один старик... Если ты сможешь вылечить его, я хорошо отблагодарю тебя.

— От судьбы не уйдёшь, — возразил Викима. — Рано или поздно наши души вознесутся к предкам.

— Но согласись, что все мы желаем, чтобы это случилось позже. Всё-таки жизнь так хороша!

— Неужели он не устал от неё? Почему он боится смерти? Даже дерево в конце концов засыхает... Неужели не устало его тело, не болит голова? Разве бессонница не мучает его?... Умирая, человек избавляется от многих печалей.

— Всё это так, мудрый Викима... Однако ему хочется вернуть молодость. Мачири долго не стареют... И помогает им в этом какая-то Боа.

Старик гневно поднялся. В глазах засверкали молнии.

— Бледнолицые узнали нашу тайну! Они хотят завладеть Боа и лишить нас последней надежды.

Хейс тоже встал.

— Нет, нет! — попытался улыбнуться он. — Я лишь прошу помочь умирающему! Ведь у тебя доброе сердце!

Жрец как-то сразу обмяк. Он вдруг понял, что, наверное, и впрямь не сможет отказать в этой просьбе: уж очень хотелось поверить, что бледнолицый действительно пришёл «переломить стрелу» — установить мир.

— Хорошо, — не сразу ответил он. — Но при условии, что мачири не потребуют принести бледнолицего в жертву Боа.

Элл содрогнулся.

— Меня — в жертву?

— Мачири хорошо помнят, чем отплатил им белый человек за гостеприимство. Они скоро вернутся.

И действительно, снаружи послышался грохот барабанов, шум голосов. Хейс тревожно выглянул. На поляну, потрясая луками и дротиками, выскакивали из зарослей индейцы.

— Спокойно! Не стрелять, — приказал своим побледневшим парням Хейс.

— В наших руках сам жрец.

Элл снова скрылся в хижине. Он понимал, что сейчас решается судьба всей экспедиции. Конечно, автоматная очередь могла бы отбросить индейцев, но кто потом показал бы логово удавов.

— Останови их, Викима!

— А что он скажет им?

— У нас немало красивых вещей. Смотри, какие богатства мы приготовили для вас!

Хейс быстро вытащил из карманов бриджей связку дешёвых бус, маленькое зеркальце. Жрец скользнул по ним равнодушным взглядом.

— Самое большое богатство для мачири наша Боа.

Грохот барабанов усилился. Хейс выругался, рука сама потянулась к кольцу.

— Послушай, Викима! Ты, видно, забыл про огонь Железного Пальца, — с угрозой проговорил он. — Если будет выпущена хотя бы одна стрела, потом мало кто из мачири уцелеет. Разве ты этого хочешь?

Старик склонил голову. Хейс грубо ухватил его за плечи.

— Решай скорее, Викима. Решай!

Старик гордо высвободился, молча вышел из хижины и поднял руку в знак того, что хочет говорить. На поляне тотчас всё стихло. Десятки горящих глаз впились в жреца. Он выждал паузу и четко произнёс:

— Бледнолицые — мои гости. Я всё сказал!

Глухой ропот разнёсся по поляне. Но Викима уже скрылся в хижине. Через минуту разбрелись кто куда и индейцы.

У Эллы отлегло от сердца. Он с удовлетворением отметил, что его фортуна явно милостива к нему.

* * *

Одно удручало Хейса: Викима наотрез отказался выделить проводников в джунгли. Старик объяснил, что мачири никогда не осмеливались охотиться за священной Боа, а лишь раз в году после линьки подбирали её шкурки с чудодейственными венчиками, и до той поры оставалось ещё не менее месяца. Встречаться же с Боа живой индейцам воспрещалось: «Кто хоть раз

предстанет перед ней — ослепнет!». Так гласило их поверье. И мачири строго придерживались его.

Хейс решил не терять даром времени. Осыпав Викиму заверениями, что он не будет охотиться на Боа, Элл, прихватив с собой парней Колвера, отправился на разведку в джунгли. Каждый нёс на поясе портативную радиостанцию, и это позволило им значительно расширить площадь поиска. Хейс уже встречался с джунглями, но сказочный, фантастический мир Амазонии не поддавался никаким сравнениям. Элл не был романтиком, наоборот, его холодная, расчётливая натура всё оценивала лишь с позиции реальной выгоды и необходимости. Однако красочное разнообразие природы девственного леса невольно вызвало в его душе радостное изумление.

Покинув поляну, над которой высоко висело добела раскалённое солнце, он почти сразу окунулся в густой серо-зелёный сумрак дремучих зарослей.

Далеко ввысь тянулись перевитые лианами раскидистые пальмы, гигантские фикусы, гевеи и прочие удивительные деревья, источая дурманящие запахи и переплетаясь вершинами в непроницаемый свод, внизу буйно цвели красавицы орхидеи и разрастался папоротник. Повсюду алмазами сверкали капли сгустившихся испарений, блестела влагой точно восковая листва, всеми цветами радуги отливали попугаи и огромные бабочки...

Элл с трудом сосредоточился. Разрубая тесаком зеленовато-жёлтые космы лиан, постоянно преграждающие ему путь, то и дело перелезая через поваленные деревья, он медленно, но неудержимо продвигался вперед. Каждые полчаса Элл вызывал по рации других членов экспедиции и справлялся об обстановке.

Незаметно летело время. Как-то сразу ещё больше потемнело, куда-то скрылись полчища гигантских муравьёв, попрятались пугавшие Хейса огромные пауки, притихли горластые попугаи. Неожиданно послышались оглушительные удары грома, и... хлынул ливень! Да такой плотный и сильный, что Хейс сразу вымок до нитки.

Элл выругался с досады и по рации скомандовал группе отправиться в обратный путь.

Назад идти было труднее. Хейс настолько устал и проголодался, что еле доплёлся до вертолётa.

Ливень кончился. Под лучами заходящего, но всё ещё жаркого солнца одежда Хейса, словно под раскалённым утюгом, задымилась, быстро подсохла. Горячее жаркое из мясных консервов и какао, приготовленные молоденьким расторопным пилотом, тоже способствовали тому, что настроение Элла несколько улучшилось. Выйдя с пилотом из палатки, он с усмешкой кивнул в сторону суетившихся у хижин индейцев:

— Как тебе эти дикари — не очень досаждали?

— Всё о'кей, мистер Хейс!.. А вот поначалу я малость струхнул. Ну, думаю, всё — отлетался... Здорово они своего старикашку слушаются!

— Ну-ну, — снова усмехнулся Хейс. — Значит, проживем ещё! — Он присел на пенёк, стал с интересом наблюдать за мачири.

Индейцев в племени насчитывалось немного, человек пятьдесят.

Приземистые и коренастые, с жёлто-коричневой, переходящей в красноватый оттенок, кожей, все они были голые, только бедра мужчин и женщин опоясывали короткие повязки из ярких перьев. Видимо, и для мачири наступило время ужина, потому что мужчины начали разводить костры, а женщины взялись за разделку птичьих тушек и размолку корней.

Занимаясь каждый своим делом, они, казалось, не обращали на белых людей никакого внимания, лишь искоса поглядывали на вертолёт. Однако стоило Хейсу подойти к ним и щёлкнуть зажигалкой, как тут же его окружили. Элл наклонился к кучке хвороста. Огонёк зажигалки лизнул сухие листья, вспыхнуло яркое пламя, и за спиной Хейса даже загалдели.

— Вот так-то! — довольно произнёс он, выпрямляясь. Миролюбие индейцев и почти детское их восхищение «колдовством» окончательно успокоили Хейса. Он принялся раздаривать дешёвые побрякушки, браслеты и кольца. К удивлению Элла, подарки мало заинтересовали мачири. Зато каждый тянулся

к зажигалке, с благоговейным любопытством разглядывал её. Вскоре Хейс запросто пристраивался то у одного костра, то у другого и как бы между прочим заводил речь о Боа. Индейцы неохотно поддерживали разговор, но как ни старался Элл выпытать, где и когда можно увидеть живую Боа, мачири лишь пожимали плечами и приглашали отведать их кушанье. Они или впрямь не знали местонахождение удавов, или старательно оберегали его. Скрывая разочарование, Элл притворно улыбался и благодарил за угощение. Во-первых, он был сыт, а во-вторых, хотя и не очень отличался брезгливостью, всё же не мог решиться съесть хотя бы немного их варева. После ужина все мачири собрались перед ритуальным столбом и затянули грустную песню, в такт ей покачивая бёдрами и пританцовывая. Особенно красиво танцевала одна из девушек. Эллу показалось, что она украдкой с интересом посматривает на него. Он убедился в этом, перехватив её взгляд: девушка сразу сбилась с ритма, живо отвела в сторону свои чёрные смущённые глаза.

Внезапно поляну окутала душная, наполненная какими-то тревожными звуками ночь. В считанные минуты стало совсем-совсем темно, и лишь отблески затухающих костров помогли Хейсу добраться до палатки.

— А девочки здесь ничего, — плутовато подмигнул ему пилот. —

Настоящие Дианы! Я тут без вас переглянулся с одной красоткой. Не возражаете, шеф?

Хейс рассмеялся.

— Нисколько! И всё-таки потерпи до Манауса. Там найдёшь себе получше. Были бы деньги, а они у нас скоро будут.

Элл отпустил над кроватью противомоскитную сетку, а чтобы до него не добрались клещи и другая подобная им мерзость, опрыскал всё вокруг инсектицидом и завалился спать.

* * *

Однако сон его не был спокойным. Где-то совсем рядом с палаткой ухала ночная птица, громко и злобно ревели обезьяны, от укусов клещей и звенящих над ухом москитов не помогала ни сетка, ни инсектицид. Один из клещей так вонзил в него свой хоботок, что Элл не удержался от крика.

Наутро он встал с опухшим от укусов лицом и больной головой. Состояние других членов экспедиции было не лучше.

Почёсывая зудящие от волдырей руки и щёки, Хейс вышел из палатки.

Вокруг было тихо и солнечно, светлой бирюзой отливало ясное, безоблачное небо. Будто и не было этой чёрной, беспокойной ночи.

Наскоро позавтракав, группа Хейса вновь устремилась в джунгли. Но, как и накануне, поиск удавов оказался тяжёлым и бесплодным. Несмотря на царивший полумрак, нигде не ощущалось прохлады или хотя бы освежающего ветерка. Уже через несколько минут Хейс буквально изнемогал от влажной духоты. В глазах рябило от какофонии красок: синих, багряных, жёлто-зелёных, кроваво-красных, фиолетовых... И снова лил плотный дождь, надоедливо-пронзительно орала попугаи ара, швырялись сверху увесистыми плодами мохнатые капуцины, больно хлестали звенящие под тесаком лианы, горела от укусов невидимых насекомых кожа...

Так продолжалось и во все другие дни. Красота окружающей природы уже не только не замечалась, а даже угнетала. Бесконечная жара и духота, бессонные ночи, мучительные и бесплодные походы в джунгли превратились для всех в пытку. С каждым часом люди Хейса таяли на глазах, да и сам он чувствовал себя уже на грани безумства от «зелёного ада». К тому же Викима догадался об истинной причине их прогулок в джунгли и всё больше мрачнел; недоверчивей и угрюмей стали относиться к ним и другие индейцы. И когда однажды утром люди Хейса с трудом поднялись с кроватей и отказались идти в джунгли, Элл был вынужден вызвать по рации Колвера и попросить разрешения на передышку, чтобы группа могла дожидаться линьки удавов.

Но хилый старец категорически отверг его предложение.

Хейс с досадой выключил рацию и, взбешённый, покинул вертолёт. День ещё только начинался, но уже стояла адская жара. Спасаясь от обжигающих солнечных лучей, он укрылся под пышнолистной ойтисикой и бессмысленным взором уставился на поляну. Солёные струйки пота стекали по лицу, разъедая почерневшую кожу, но Элл всё сидел и сидел под деревом, тупо глядя на молчаливых индейцев, копошившихся у хижин.

Неожиданно одна из девушек, что уже не один день заглядывалась на него и в свою очередь нравилась Эллу, кротко приблизилась к нему.

— Эй, эй!... — окликнула она его, смущённо поправляя на шее красивое ожерелье из чучел колибри.

Хейс вздрогнул, недоумённо посмотрел на девушку.

— А-а, это ты, Чилиана... Что тебе?

— Ничего. Мне больно видеть белого человека хмурым.

Как бы ни был удручён Хейс неприятным разговором с Колвером и своим болезненным состоянием, он не смог удержаться от довольной усмешки. Ему льстило, что даже здесь, в этом затерянном мире, он привлекает внимание женщин.

Элл поднялся, быстрым взглядом окинул индианку. Круглолицая и стройная, девушка была ему по плечо. Большие блестящие глаза её доверчиво смотрели на Хейса и как бы просили о таком же отношении.

И тут Хейс понял, что фортуна снова пришла к нему на помощь. Уж кто-кто, а он повидал в жизни немало женщин и хорошо знал, на какое мужество они способны, как удивительно одинаковы они в своей готовности к самопожертвованию в любви.

Элл осмотрелся и поманил девушку в заросли дикой акации.

* * *

...Они лежали там на мягком мху, как на перине. Чилиана что-то нежно нашёптывала, заглядывала в глаза. Элл поглаживал её голые плечи, думал о своём и молчал.

— Скажи, почему ты невесёлый? Что мешает радоваться?

— Устал я, Чилиана. От джунглей устал.

— Зачем же ты ходишь туда?.. Мачири говорят, что бледнолицые охотятся за нашей Боа. Это правда?

— Правда, — не замедлив, ответил Хейс и словно прыгнул в холодную воду. По телу пробежали мурашки: как-то отнесётся к этому Чилиана?

— Разве ты не знаешь, что тот, кто увидит Боа, ослепнет?! — со страхом воскликнула она. И Хейс, в который раз, поразился тому, как беззаветно и сильно могут любить женщины.

— Ослепнуть? Но почему?

— Не знаю... — огорчённо ответила Чилиана.

— Боа принесёт мне счастье. Ты только подскажи, где найти её?

— Я не могу...

— Тогда я ухожу. Ты не любишь меня.

— Подожди! — Девушка вскочила на ноги, до крови закусил губы. — Подожди!

* * *

Чилиана уверенно пробиралась вперёд. Хейс старался запомнить путь, отмечая его зарубками на деревьях. Но вот девушка остановилась.

— Дальше идти мне нельзя.

Хейс кивнул, осмотрелся. Место было унылым, мрачным. Пахло гнилью. Ни голоса птиц, ни возни обезьян. Повсюду высокой стеной теснились заросли колючего кустарника, нависали громады гигантской секвойи. Он невольно почувствовал себя среди них одиноким, беззащитным карликом.

Первым желанием Хейса было вернуться. Но Элл не любил оставлять дело незаконченным. К тому же до окончания срока контракта, заключенного с Колвером, оставалось три дня. Всего три дня!...

И Хейс пересилил страх.

— Подожди меня здесь, — хрипло сказал он и двинулся в заросли.

Элл медленно продирался сквозь колючий кустарник и сплетения лиан. Нервы его были напряжены до предела. Он поминутно крутил головой, обшаривая глазами заросли, ловя взглядом каждое движение веток и лиан, часто останавливался, чутко прислушиваясь к любому шороху, и всё-таки упорно стремился вперед, стараясь не думать о возможной встрече с ягуаром. Неожиданно заросли расступились, открыв перед ним совсем крохотную полянку.

Элл на мгновение остановился, облизал пересохшие губы и решительно ступил на полянку. Сделал один шаг, другой, третий... Под ногами гулко хрустнули опавшие сучья, и Элл провалился в глубокую яму. Он взмахнул руками, инстинктивно стремясь за что-нибудь ухватиться, но вместо этого выронил на полянку свой кольт и тесак.

Элл метался по дну ямы и изрыгал неистовые ругательства. Безоружный, с разбитой при падении рацией, он очутился словно в ловушке.

«Что же делать? Как выбраться отсюда?...».

Он взглянул на светящийся хронометр. Уже прошло несколько часов с того времени, как они с Чилианой ушли из селения. Она, наверное, вернулась. И если не расскажет там всё, как было, — он пропал. Ведь никто не знает, где его искать. А скоро ночь!...

Хейс принялся лихорадочно царапать ногтями стены. Если бы ему удалось сделать хотя бы несколько выемок, можно было попытаться выбраться наверх. Но сырая, прелая земля постоянно осыпалась, скашивая стенки ямы, и угрожая завалить его.

Он бросил это занятие. В голову лезли самые тревожные мысли. Если, например, начнется дождь, то потоки мутной воды в считанные минуты зальют его здесь... И сколько же за ночь набьётся сюда ядовитых тварей, кровожадных клещей, ненасытных moskitov? Останется ли тогда от него что-нибудь живое?...

Элл содрогнулся, поспешил отогнать невесёлые мысли. Быть такого не может, чтобы его парни не пришли ему на помощь! Чилиана, конечно, приведёт их за собой. Значит, не надо паниковать.

Он опустил на корточки, прижался к стене и стал ждать, вспоминая прожитые годы. Нет, они не были радостными, особенно в детстве. Хмурый, всегда мрачный отец долгое время был безработным. Мать за гроши с утра до ночи не разгибала спину в чужих душных и сырых прачечных.

Полуголодным оборвышем с тяжёлыми кипами газет метался он по улицам, стараясь заработать хотя бы несколько центов.

И юность оказалась не лучше. Умерла от ревматизма сердца мать, попал в аварию на шахте отец и стал инвалидом... А рядом бурлила какая-то иная, завораживающая жизнь. По широким улицам сновали роскошные лимузины, разноцветными огнями реклам зазывали великолепные магазины, в барах и дансингах звучала томная музыка, там танцевали нарядные, красивые женщины, элегантные мужчины... Чем же он был хуже этих людей? Чем?!

Элл решил приглядеться к ним, а, присмотревшись, понял, что если не набьёт себе карманы деньгами, такая жизнь пройдёт мимо. Доллары! Только доллары отрывали в этом непонятном мире все двери, делали человека знатным и сильным!

Но доллары доставались туго. Не помогли ни вербовка в Иностраннный легион, ни участие в гангстерском синдикате... А теперь ещё и эта яма!...

«Только бы вырваться отсюда! И тогда — к чёрту, к дьяволу всех миллионеров с их невероятными причудами и толстыми чековыми книжками!»

Так он просидел долго. Вдруг что-то невыносимо острое впилося ему в шею. Он подскочил от боли и вытащил из кожи крохотного клеща. Однако в следующую секунду такая же острая боль пронзила затылок. Сгустившийся мрак не давал Хейсу возможность рассмотреть сонмище атакующих насекомых. Но Элл знал, что с каждой минутой их будет всё больше и больше. Он принялся топтать дно ямы. Над ухом нудно звенели москиты. По

руке прокатился обжигающий шарик. Элл застонал и опять подумал о Чилиане. Если его ищут, то люди должны быть уже близко. Надо только дать им о себе знать.

Он набрал в лёгкие воздух, громко, протяжно закричал:

— Э-э-э-эй! Сюда-а! Я здесь! Э-э-э-эй!...

Элл кричал долго, до хрипоты, в перерывах напряжённо вслушиваясь в тишину ночи. И вдруг уловил неясный шорох. Элл радостно вскинул голову. И... ужаснулся. На кромке ямы показалась невероятно крупная змеиная голова. Несколько секунд она раскачивалась над ямой, а затем поползла вниз. Элл забился в угол. Он ещё надеялся, что глубина ямы не позволит змее добраться до него, но она всё ползла и казалась бесконечной.

Элл закрыл глаза. В тот же миг его тело сдавили холодные, плотные кольца, и он потерял сознание.

Когда Элл очнулся, то с удивлением отметил, что жив и лежит не на дне ямы, а недалеко от неё, на мягком мху у разлапистых корней поваленной секвойи. Рядом широкими толстыми кольцами свернулся огромный сетчато-чёрный удав. Маленькие узкие глазки его, не отрываясь, следили за ним, словно запоминая.

Элл поспешил отодвинуться. Он не понимал, почему удав отпустил его. Может, просто был сыт.

Позади Хейса хрустнули сучья. Сердце снова полоснула тревога: «Кто там ещё?». Но обернулся только тогда, когда потревоженный шумом удав, развернув кольца, скрылся под корнями секвойи.

Повернувшись, Элл не поверил своим глазам: из зарослей кустарника к нему спешила Чилиана.

— Ты? Здесь? Одна?!

Девушка молча прижалась к нему. Её лёгкие, вздрагивающие руки нежно гладили его лицо и волосы. Тревожные глаза беспокойно пробежались по всей его нескладной фигуре.

Элл нетерпеливо оторвал от себя индианку, попытался подняться. Но одеревеневшие ноги слушались плохо.

— Почему ты одна?

Горькая улыбка скользнула на её губах.

— Сердца твоих бледнолицых братьев трусливы. Что же Чилиане оставалось делать?

Элл выругался.

— Как же ты нашла меня?

— Чилиана не сова, но видит ночью не хуже, чем днем.

Опираясь на её худенькие плечи, спотыкаясь и охая, Элл едва тащился по лесу. Голубой свет светлячков хорошо помогал ориентироваться по оставленным зарубкам. Чудесное, если не сказать фантастическое, избавление от гибели в злосчастной яме постепенно наполняло всё его существо радостью. И хотя он никогда не верил в бога, уже готов был молиться за благополучие удава и Чилианы.

* * *

...В селение они добрались только к утру. Элл настолько был измучен, что как свалился на койку, так и забылся в беспробудном сне. Он спал весь день и всю ночь. А, проснувшись, долго не вставал, испытывая невероятную усталость. За пологом палатки о чём-то спорил пилот, звучали голоса играющих ребятишек мачири, доносился стрекот цикад, гомон птиц...

Элл потянулся и вдруг разом вспомнил всё, что случилось с ним накануне. В голове мелькнул знакомый образ свернувшейся у ног змеи, с чуть заметным венчиком на приплюснутой голове.

«Да ведь это была Боа!» — чуть не вскрикнул Элл.

Он соскочил с койки и заметался по палатке, отыскивая одежду, оружие, компас и прочее снаряжение. Он понимал, что предаёт сейчас и себя, и Боа, и Чилиану, но ничего не мог поделать с собой. Каким-то наваждением

обещанный поток хрустящих банкнотов заслонил всё остальное. Он уже видел себя не жалким просителем любой, даже самой чёрной работы и приютившимся в мрачной лачуге, среди вечно озабоченного простого люда, но обладателем огромного состояния, владельцем белокаменной виллы, не хуже, чем у Колвера, настоящим джентльменом, перед которым отныне будут услужливо открываться все двери деловых офисов, дорогих магазинов, дансингов и казино...

Элл выскочил из палатки.

— Вот что, ребята! — обратился он ко всей своей группе. — Хватит спорить. Живо собирайтесь!

— Куда, шеф?

— Опять в этот проклятый ад?

— Ничего, ничего,.. — возбуждённо ответил Хейс. - В последний раз. Считайте, что Боа наша. Я теперь знаю, где её искать. Скоро доллары потекут к нам рекой!

Элл притих, увидев выходящего из хижины жреца.

Викима был мрачен.

— Бледнолицые опять уходят в джунгли. Разве Викима не обещал им свою помощь?

— Успокойся, мудрейший, — усмехнулся Элл. - Мы не охотимся за Боа. Клянусь тебе!

Викима недоверчиво покачал седой головой.

— Смотри, бледнолицый... Нельзя долго дразнить ягуара.

Он отошёл.

Хейс бешено сплюнул, подозвал пилота.

— Быть в полной готовности, — шепнул он ему. - Постарайся незаметно от этих дикарей перетащить из палатки в вертолёт наши вещи.

Через пять минут группа Хейса, провожаемая тяжёлым взглядом жреца, отправилась в джунгли.

Вскоре вся группа была у поваленной секвойи. Хейс по опыту знал, что змеи редко селятся в одиночку, и если поднять в чаще шум, они торопятся покинуть свои жилища. Поэтому он приказал стучать палками по деревьям и внимательно наблюдать за обстановкой. Через несколько минут, потревоженные неожиданным грохотом, из дупел и глубоких нор выползли удавы и удавчики, стремясь укрыться в зарослях кустарника. Но молодчики Колвера, подбодряемые Хейсом, повсюду настигали змей, в упор расстреливали из автоматов и рубили тесаками их «венценосные» головы. Всё это время Элл напряжённо следил за корневищами вывороченной секвойи и мысленно молил «его» Боа не показываться из норы. Когда жуткая бойня закончилась, он с облегчением вытер вспотевший лоб. Но вдруг в корнях секвойи послышался шорох, и оттуда выползла ещё одна змея. Самая большая. Хейс, находившийся к ней всех ближе, сразу узнал свою недавнюю спасительницу, и ему стало не по себе.

Между тем Боа приподнялась, на какое-то мгновение застыла, словно изваяние. Её немигающие маленькие глаза смерили его, как ему показалось, презрительным взглядом. Он похолодел, но не смог сдвинуться с места. — Берегись! — услышал Элл. Из-за спины ударила автоматная очередь. Змея судорожно дернулась и плюнула в Хейса. Он всё-таки успел закрыть глаза. В тот же миг всё лицо его словно огнём обожгло. Что-то огненно-липкое просочилось под веки, вызвав дикую боль.

Элл вскрикнул и рухнул, как подкошенный, закатался по земле, сдирая с лица ядовитый плевок.

Все бросились к нему на помощь. Водой из фляжек торопливо промыли глаза, осторожно протёрли марлевым тампоном лицо.

Хейс попытался открыть обожжённые веки. В глазах застряла острая резь, вокруг всё рябило и расплывалось, как в тумане... «Вот она, в чём ещё одна тайна Боа, — с горечью подумал он. — Только бы не ослепнуть! »

И вдруг где-то совсем рядом забухали барабаны мачири, послышалась быстрая, возбуждённая речь индейцев

— Нас засекли, шеф!

— Теперь живыми не выпустят!

— Что будем делать, мистер Хейс?

Элл с трудом поднялся, зло процедил:

— Добычу ко мне в сумку. Попробуем прорваться... Патронов не жалеть!

И всё-таки к вертолёту добрался один Хейс.

«Повезло! Опять повезло!» — счастливо думал он, подбегая к заветной машине. Викима попытался преградить ему путь, но Элл, не колеблясь, разрядил в него кольт.

Уже подтягиваясь в кабину, он услышал за собой звонкий голосок Чилианы. Что-то дрогнуло в его сердце, но Элл даже не обернулся.

— Пошёл! — крикнул он пилоту. Двигатель несколько раз чихнул, потом мощно загрохотал, и вертолёт плавно поднялся с поляны.

* * *

Вечером Хейс был уже в Калифорнии. Море было всё такое же тихое, изумрудное. И всё так же, как две недели назад, плясали по белому песку затухающие солнечные блики, в обнимку брели с пляжа парочки.

Глаза Хейса болели не переставая, но Элл весело помахал пляжу, открыл калитку палисадника виллы, медлительной походкой прошёлся по аллейке, нажал на двери кнопку звонка.

Швейцар, увидев его, испуганно отшатнулся, но потом молча и вышколено принял от Хейса шляпу.

— Доложите хозяину, что мистер Хейс желает видеть его, — с напускной беззаботностью бросил Элл.

Швейцар вначале замялся, но затем также молча удалился.

Приглаживая волосы, Хейс подошёл к зеркалу. Из рамы на него смотрело чужое, словно опалённое порохом, иссиня-зелёное лицо.

Хейс поразился. Но тут же утешил себя: «Ничего! Теперь пластические операции не составляют труда. Были бы деньги!».

— Мистер Хейс?

Элл проворно обернулся. Из приёмной к нему спешил секретарь Колвера.

— Хелло, приятель! — развязно хлопнул его по плечу Хейс. — Я пришёл за своим миллионом. Проводи-ка меня за ним поскорее!

Секретарь печально сдвинул брови.

— К сожалению, это невозможно. Мистер Колвер сегодня утром умер.